

**Отзыв официального оппонента о диссертации
РОСТОВЦЕВОЙ ЮЛИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ
«Рецепция законодательных текстов
в русской литературной утопии XVIII века»,
представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература**

Диссертация Ю. А. Ростовцевой посвящена функционированию утопического метажанра в русской литературе XVIII века. *Актуальность* рецензируемой работы заключается в исследовании эвномически-дисномического и дистопийного комплексов в составе русской литературной утопии. Актуальность такого рода исследований вызвана необходимостью изучения изоморфных литературных текстов – пограничных или смежных с экстралитературным дискурсом и установкой современной науки на концептуализацию жанровых параметров утопии как литературного вида.

Научная новизна диссертации обусловлена обращением к малоизученным аспектам литературного материала, связанным с правоведческой практикой XVIII столетия. Основанием для историко-генетического и культурно-исторического анализа служат законодательные акты изучаемой эпохи и законотворческая рефлексия литераторов М. М. Щербатова («Размышления о законодательстве вообще») и А. Н. Радищева («О законоположении»), а также анонимного создателя «Мнения об освобождении крестьян». Кроме того, к исследованию привлекаются некоторые неопубликованные источники: утопические сочинения И. И. Тревогина, педагогические проекты М. М. Щербатова и критико-биографический очерк А. А. Дубицкого о деятельности М. М. Щербатова – историка и литератора (с. 11). Диссертант вводит в научный оборот термин «дисномия» по аналогии с «эвномией». Дисномией в работе называется «утопия, призванная показать ущербность и недостаточность законов» (с. 12).

Во *Введении* ставятся цель и задачи, объясняется степень научной разработанности темы, намечаются основные методы исследования и определяется его актуальность, новизна, объект и предмет. К теоретической значимости диссертации можно отнести ряд наблюдений о генезисе литературной утопии в России и уточняющее научную традицию разделение изучаемых сочинений на панегирические или утопические, а также выявление социально-политического, религиозного и правового мировоззрения авторов на основании их литературного и публицистического наследия.

Первая глава «Природа утопического метажанра» представляет собой теоретическое обоснование дальнейшего исследования. Рассматривая роль романа Томаса Мора в становлении терминологического содержания понятия «утопия», диссертант фиксирует оформление в первой четверти XX в. (1925) основных границ значения термина. Со ссылкой на труды Н. В. Ковтун диссертант оправданно оперирует термином «метажанр». Близок к пониманию наджанровой природы утопии С. Л. Бэр, впервые указавший (1991) на утопи-

ческий нарратив в корпусе литературных текстов XVIII в. в отечественной словесности (сочинения М. М. Хераскова, анонимного автора NN и др.). Диффузия жанровых границ русской утопии XVIII столетия требует именно метаязыкового обозначения, утверждает диссертант (ошибочное отнесение С. Л. Бэрм к утопиям философско-политического текста Ф. А. Эмина «Приключения Фемистокла» еще раз подтверждает неустойчивость жанровых дефиниций применительно к утопийной фикциональности) (с. 24).

Происхождение русской утопии Ю. А. Ростовцева относит к периоду европеизации России – начиная с правления Петра I, – справедливо соглашаясь с мнением В. П. Шестакова и др. о социальной доминанте в древнерусских текстах, близких, но отличных от утопии (с. 28). Диссертант оспаривает мнение французских исследователей Л. Геллера и М. Нике, спроецировавших понятие «парадиза» на русский утопический код. В качестве доказательства Ю. А. Ростовцева обращается к «Посланию Василия Новгородского Феодору Тверскому о рае»: утопическое сознание древнерусского человека было ориентировано на этико-религиозные ценности, а не на ценности культурно-ритуальные. Также Ю. А. Ростовцева обоснованно опровергает суждение французских ученых о принадлежности «Повести о Петре и Февронии муромских» и «Правительницы» Ермолая-Еразма к утопическому жанру, поскольку ни то ни другое произведение не содержит социально-критической интенции и даже (во втором случае) не относится к художественной словесности. Что же касается русской агиографии, то телеология жанров различна, поскольку мирообраз уже осуществленного «Царства Божия на земле» присущ житийной топике.

Заслуживает внимания выявленное диссертантом цитатное совпадение работы исследовательницы Т. В. Чумаковой с трудом Л. Геллера и М. Нике и критика исходного тезиса Чумаковой об утопии как «мечте, легенде, концепции» (с. 37–38).

Наконец, книга Б. Ф. Егорова «Российские утопии: Исторический путеводитель», наряду с представленным в нем обширным материалом, содержит, по наблюдению автора диссертации, чересчур расширенное понимание утопии, включающее в себя духовные искания русского народа и, соответственно, отнесение житийного жанра к утопическому (с. 40). Таким образом, одним из положений диссертации можно считать то, что оригинальных утопических произведений Древняя Русь не представила и отсчет русской утопической генологии начинается с XVIII в.

Разграничение понятий утопии, эвтопии, эвномии и введенного в диссертации понятия дисномии (с. 45) представляется необходимым для дальнейшего хода исследования. В той же мере закономерно выяснение влияния европейской традиции на поэтику и проблематику исследуемых в диссертации произведений: «Сон. Счастливое общество» А. П. Сумарокова, «Приключения Фемистокла» Ф. А. Эмина, «Нума Помпилий, или Процветающий Рим» М. М. Хераскова, «Путешествие в землю Офирскую» М. М. Щербатова, «Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве» В. А. Левшина и глава

«Хотиллов. Проект в будущем» из радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву». Во-первых, ни один из исследуемых писателей не следовал, во всяком случае, напрямую, образцу Т. Мора; во-вторых, обозначено наличие французского претекста (Ф. Фенелон, «Приключения Телемака»; Д. Веррас, «История севарамбов») в произведениях Ф. Эмина, М. Хераскова и М. Щербатова; в-третьих, затруднительность выявления европейской традиции как таковой (А. Радищев) – таковы промежуточные выводы параграфа «Русская литературная утопия в свете европейской традиции»; основным же выводом является констатация «антисциентизма отечественной утопии», ориентированной на этико-социальные проекты (с. 50).

Таким образом, в первой главе соискателем проведен общий генологический, историко-генетический и сравнительно-типологический анализ темы. Дальнейшее исследование выстроено согласно хронологическому принципу, что позволяет проследить эволюцию жанра в русской литературе XVIII в.

Во *второй главе* «Русская литературная утопия и законодательство Елизаветы Петровны» изучается первая русская литературная утопия – «Сон. Счастливое общество» А. П. Сумарокова (1759). В рассказе выражен законодательный идеал писателя, который, в частности, вопреки правовой практике елизаветинского царствования, подразумевал применение казни «за беззакония» (с. 56).

Рассмотрение «Книги узаконений» и в целом утопии «Сон» в контексте других сумароковских произведений – «Слова похвального о государе императоре Петре Великом» и двух од, посвященных императрице Елизавете Петровне («Ода Всемилостивейшей государыне императрице Елисавете Петровне, самодержице Всероссийской», 1743, и «Ода государыне императрице Елизавете Первой на день ее рождения», 1744) – позволяет в полной мере судить о законодательных предпочтениях писателя. Панегирический жанр двух последних произведений не отменяет имплицитной критики чересчур «мягкого» правления государыни. Топика страха имеет у Сумарокова положительную коннотацию: правление державного отца императрицы служит ему примером. Наказание смертью признается автором сочинения гуманным, поскольку закон держится на экзистенциальной эмоции страха (трактат «О казни», 1774). Царица, отменившая эту меру наказания, в какой-то мере отменяет божественное провидение и становится жестокосердной (с. 65).

Важный сюжетный ряд в утопическом рассказе А. П. Сумарокова выстраивается в соотнесении с идеей служителей церкви. Священники в «Мечтательном государстве» инкорпорированы в светское государство в соответствии с практикой недавнего исторического прошлого – правления Петра. Идея секуляризованной церкви импонировала создателю «Сна», и просветительская теория воспитания базовых нравственных качеств человека подтверждает это (статья «О разумении человеческого по мнению Локка», 1759) (с. 70). Тем самым писатель обращался к петровской эпохе как своего рода модели должного общественного устройства, аннигилируя законотворческую и клерикальную практику Елизаветы Петровны.

Третья глава диссертации «Русская литературная утопия и законодательство Екатерины Второй» посвящена функционированию утопического метажанра в период последней трети XVIII столетия. Материалом для анализа служит репрезентативный ряд текстов: «Приключения Фемистокла» Ф. А. Эмина (1763); «Нума Помпилий, или Процветающий Рим» (1768) и «Полидор, сын Кадма и Гармонии» (1794) М. М. Хераскова; «Путешествие в землю офирскую господина С..., швецкаго дворянина» (1783) М. М. Щербатова; «Область знаний» («Ученая область») и другие проекты И. И. Тревогина (начало 1780-х гг.); «Новейшее путешествие, сочиненное в голоде Белеве» В. А. Левшина (1784) и фрагмент «Хотилов. Проект в будущем» из «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева (1790).

Все указанные тексты так или иначе соотносятся с «Наказом» Екатерины Второй (1766), вследствие чего их эвномические или дисномические программы включаются в метанарратив эпохи. Утопия Ф. А. Эмина трактует два противоположных способа управления государством – эвномию во Фракии и дистопию в Карию – обе модели аллегорически отсылали к тогдашней российской действительности. Задачей диссертанта в данном случае явилось определение жанровой специфики романа Эмина. Сопоставляя содержание утопии с указами императрицы «Об удержании от лихоимства» (1762) и «Об удержании судей и чиновников от лихоимства» (1763), и особенно – с манифестом «О наполнении судебных мест достойными и честными людьми» от 15 декабря 1763 г., Ю. А. Ростовцева приходит к выводу о панегирическом характере романа Ф. А. Эмина (эвтопия).

Обращаясь к двум названным романам М. М. Хераскова, диссертант обнаруживает в первом концептуальную и тематическую связь с екатерининским «Наказом» и сопутствующими ему документами: «Генерал-прокурорским наказом» и высочайшим указом «Об учреждении в Москве комиссии для сочинения проекта нового Уложения». По наблюдениям Ю. А. Ростовцевой, в романе «Нума Помпилий» прослеживаются текстуальные заимствования и прямые отсылки к упомянутым документам (с. 87). Это помогает скорректировать понимание жанровой природы произведения в качестве эвтопии (с незначительной подтекстовой критикой в адрес законотворческой деятельности императрицы). Замечания о композиции романа подтверждают панегирическое задание автора (сам романист – издатель; некий «сочинитель»; персонажная сфера; стихотворное послесловие; наконец, рисунок А. Перельовкиной с просветительским паратекстом: «Добродетели твои делают тебя царем римским») (с. 96–97).

В романе «Полидор, сын Кадма и Гармонии» М. М. Херасков критически переосмысляет законотворческую деятельность императрицы. Особенно это заметно в жанровой динамике романной трилогии (с. 105). Диссертант доказывает, что основной топос в романе – Хриза, представленный двумя различными островами: дистопийной Анафой и эвтопийной Хризой (с. 103–104). Именно Анафа является проекцией современной автору России (с. 106, 108). Отнесение «Наказа» Екатерины к будущему подтверждает негативно-

утопическую интенцию романиста (с. 108), поэтому правомерен полемически оспаривающий мнение А. В. Западова вывод соискателя о том, что «исследуемый в контексте трилогии роман М. М. Хераскова («Полидор». – Л. С.) приобретает очевидные черты дисномии» (с. 111).

Исследуя педагогические идеи М. М. Хераскова – автора «Путешествия в землю Офирскую», диссертант подчеркивает рационализм религиозной догматики офирских священников, что согласуется с просветительской идеологией (с. 114–115). Ценным является наблюдение над сходством идеологием М. М. Щербатова, описывающего идеальные образовательные институты вымышленной страны, с тезисами немецкого просветителя Самуэля Пуффендорфа, которые представлены в его книге «О должности человека и гражданина» (русский перевод – 1724) (с. 115–116). Фундаментальная для Пуффендорфа триада «божественный – естественный – человеческий закон» ложится в основание идеального воспитания в произведении М. М. Щербатова (с. 116).

Диссертант ссылается и на подобное книге Пуффендорфа сочинение монаха-августинца Иоганна Фельбигера «О должностях человека и гражданина» (русское издание – 1783). В данном случае генетического родства текста Щербатова с трактатом Фельбигера, как замечает диссертант, не выявлено (с. 116), зато наблюдаются композиционные аналогии в сочинениях обоих авторов (начальные рассуждения об обязанностях человека по отношению к Богу, глава «О должностях к самому себе» из книги немецкого педагога и одноименный фрагмент из «Путешествия» Щербатова и т. п.). Однако в отличие от немецкого мыслителя, создатель русской утопии сосредоточен не на социально-бытовой, а на моральной составляющей в формировании гармоничного человека (с. 117).

«Катехизмы» М. М. Щербатова, учебные книги для офирского юношества, включают в себе просветительские тезисы о воспитании и образовании, основанные не только на иноязычных источниках, но и на педагогических проектах екатерининской поры, а также собственных педагогических сочинениях автора (с. 122–125). Например, составленный в начале 1760-х годов проект об учреждении публичных училищ или идея об учреждении закрытых учебных заведений; надзор священников над сельской школой (1770) находят отражение в педагогических установлениях идеального общества у М. М. Щербатова (с. 122–124).

В параграфе об идеале благочиния М. М. Щербатова в свете законодательной политики Екатерины II отмечается биографический генезис в воссоздании политико-правового устройства Офирской земли. Многие правовые положения были восприняты писателем во время его работы в комиссии по составлению Нового уложения. В целом изучение утопического романа М. М. Щербатова привело автора диссертации к выводу о том, что он основан на законодательной практике екатерининской эпохи гораздо основательнее, чем на рецепции идей западных просветителей (с. 135).

Обращаясь к педагогической утопии (эвпсихии) И. И. Тревогина, автор диссертации уточняет, что «Офир», «Храм знаний» и «Империя знаний» – различные и несопоставимые понятия (соответственно здание, учреждение и институция) (с. 139). Выяснение этих различий основывается на сопоставлении точек зрения Л. Б. Светлова и Т. В. Артемьевой, содержащих некоторые неточности. Работа с архивными документами позволила диссертанту определить сущность и назначение упомянутых именованных и присоединиться к мнению Р. В. Кауркина и М. Д. Курмачевой о том, что поводом к написанию утопии «Ученая область» («Область знаний») И. И. Тревогина явился именной указ об учреждении Российской академии (1781) (с. 140). Взгляды И. И. Тревогина на функционирование и состав академии, равно как и на идеальную фигуру ее главы, как доказывает Ю. А. Ростовцева, совпадают с воззрениями вдохновившей его императрицы на институт русской науки (это, скорее, эвтопия) (с. 145).

Отдельный параграф посвящен определению жанровой природы утопии

В. А. Левшина «Новейшее путешествие в городе Белеве». Обращаясь к малоисследованным заключительным частям повести, диссертант обнаруживает «имплицитную критику российских законов и, прежде всего, “Большого наказа” императрицы» (с. 147), что опровергает взгляд на финал повести как панегирическую утопию (В. Б. Шкловский, С. Л. Бэр). В частности, автор утопии настаивает на отмене смертной казни, чего не сделала императрица (вставки из глав «Наказа» – «О наказаниях» и «О обряде криминального суда» – в тексте повести обличают монархиню в несоблюдении начертанной ей программы (с. 149–150)). Негативный характер левшинской утопии подтверждает и композиция повести – столкновение в финале несовершенных законов страны Р.*** и законов справедливых у обитателей Луны. Произведение

В. А. Левшина определяется как дисномия: «описываются такие достижения екатерининского “Наказа”, которых не существовало в действительности, но которые ранее были заявлены императрицей как государственная цель» (с. 153).

В последнем параграфе третьей главы к анализу привлекается глава «Хотилов. Проект в будущем» из радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву». Несмотря на то что в сочинении А. Н. Радищева помещен другой утопический фрагмент – «Спасская Полесь», – выбранная глава привлекает автора диссертации аллюзиями на екатерининский «Наказ». Тематически и хронологически примыкающий к изучаемой главе трактат Радищева «О предметах закона» (завершен за год до выхода «Путешествия») указывает на пренебрежение самодержицы к проблеме законодательства (с. 155). Первоначальный вариант «Наказа», по-видимому, содержал положения об отмене крепостного права (с. 157–160), о чем свидетельствовала реакция сторонников крепостничества (А. П. Сумарокова, И. И. Мелиссино и др.) (с. 157), однако Радищев в главе «Хотилов» критикует законодательно закрепленное рабство,

игнорируя попытки Екатерины II изменить закон. Диссертант интерпретирует ремарку императрицы на полях книги Радищева как сожаление об искажении исторической правды, а не авторитарную редактуру (традиционный взгляд) (с. 162). Таким образом, в диссертации корректируется мнение о полярности воззрений монархини и писателя на крестьянский вопрос.

В *Заключении* Ю. А. Ростовцева подтверждает, что комплексный подход, учитывающий законодательную деятельность авторов (включая их сочинения по правовой проблематике) и общую правовую ситуацию в государстве, позволил выявить историко-культурные смыслы в созданных ими утопиях. Безусловно, это расширяет понимание их актуального содержания и, кроме того, позволяет уточнить и углубить жанровые дефиниции произведений (панегирическая утопия Ф. А. Эмина, дисномия В. А. Левшина и т. д.).

Диссертант фиксирует типологическое сходжение номологических черт в западноевропейской и русской утопии (быстрое решение судебных дел, краткость законодательных актов; участие правителя в юридической практике). Русская утопия изучаемого периода, по наблюдению Ю. А. Ростовцевой, была намного более злободневной и стремилась «исправить» существующий порядок дел в законодательной сфере (с. 166).

Последняя композиционная часть *Заключения* касается перспектив исследованной в работе проблематики в составе русской утопии XIX века («Сон» А. Д. Улыбышева и «4338 год» В. Ф. Одоевского). Несмотря на редукцию эвномического или дисномического компонента в жанровой структуре названных утопий, он сохраняется в том жанровом качестве, которое сформировала традиция русских литературных утопий XVIII века.

Список литературы, представленный 222 наименованиями, подтверждает научную достоверность рецензируемого исследования.

В целом можно констатировать, что диссертация Ю. А. Ростовцевой способствует разрешению ряда научных задач, поставленных и названных во *Введении*; ее несомненным достоинством является тщательное изучение архивных материалов. *Практическая значимость* диссертации определяется возможностью применения ее результатов в материале курсов по истории русской литературы XVIII в., в курсах теории литературы (теория жанра), спецкурсах, посвященных истории и теории утопического метажанра или творчеству литераторов XVIII в. Полученные в ходе работы результаты уточняют и расширяют существующую в науке теорию жанра и его историко-литературное развитие.

В качестве замечания можно указать на желательность выводов в конце глав (с. 51, 74, 163); заметим, что в конце параграфов они представлены.

Работа Ю. А. Ростовцевой, как и всякий научный текст, вызывает некоторые дискуссионные вопросы.

Можно ли обозначить определенный антропологический проект в изученных диссертантом утопиях?

Повлиял ли дистопийный по сути контекст эпохи на жанровую природу и художественную концепцию исследованных сочинений?

Сделанные замечания не умаляют научной ценности рецензируемой работы.

Диссертация Ю. А. Ростовцевой является законченным научно-квалификационным трудом, самостоятельным и завершенным. Полученные автором результаты достоверны, выводы и заключения обоснованы, привлеченный материал репрезентативен для решения поставленных задач. Основные положения и выводы диссертации отражены в 15 статьях, 6 из которых опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук. Содержание автореферата соответствует основным идеям и выводам диссертации.

Сказанное позволяет сделать вывод, что диссертация Ростовцевой Юлии Александровны «Рецепция законодательных текстов в русской литературной утопии XVIII века» соответствует требованиям, предъявляемым к диссертации на соискание ученой степени кандидата наук «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 (пп. 9,10,11), а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Доктор филологических наук,
доцент,
профессор кафедры истории и теории
литературы Гуманитарного института
ФГАОУ ВО «Новосибирский
национальный исследовательский
государственный университет»

Людмила Николаевна Синякова

630090, г. Новосибирск,
ул. Пирогова, 1.
Тел.: 8 (383) 363 42 30.
E-mail: scholast@ngs.ru

10.05.2018

